

Музейный романтик

Владимир Дмитриевич Гладченко родился 17 апреля 1945 года в городе Бердске Новосибирской области. В 1962 году окончил школу рабочей молодежи в городе Аксае, позднее – исторический факультет Ростовского государственного университета. В 1971 году стал ответственным секретарем Аксайского районного отделения общества охраны памятников истории и культуры. С 1975 года работал военным руководителем и заведующим музеем в Аксайской средней школе №1. В 1987 году музей школы усилиями В.Д. Гладченко становится внебюджетным филиалом Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника, с 1992 – Музеем истории города Аксая. В 2002 году музей получил название «Аксайский военно-исторический музей».

Владимир Дмитриевич Гладченко – Почетный гражданин города Аксая, заслуженный работник культуры РФ, член Все-союзного пушкинского общества, член правления Донского пушкинского общества.

17 ноября 2008 года Владимира Дмитриевича не стало.

Мое знакомство с Владимиром Гладченко началось более двадцати лет назад. Приехав с родителями в музей «Почтовая станция» в городе Аксае, я как-то не помню, о чем заговорил с молоджавым энергичным человеком, очень охотно отзывавшимся на интерес посетителя к экспозиции. Оказалось, что этот отзывчивый энергичный человек – директор и основатель музея.

Честно сказать, только после возвращения домой в обсуждении с родителями прошедшего дня я понял, что познакомился с совершенно необычным человеком и директором. К сожалению, мы давно привыкли, что подавляющее большинство руководителей становятся таковыми по формальным признакам. Чаще это – не лучшие специалисты, а то и вовсе не специалисты в том деле, которым руководят. Не таков был Владимир Дмитриевич.

Странно и непривычно писать «был». К подвижному характеру и неумной энергии Гладченко совершенно невозможно примерить прошедшее время. Каждая встреча с ним оказывалась вовлечением в интереснейшие и непременно очень важные дела, инициативы, перспективы.

В 2001 году я, как представитель одного из трех крупнейших зоопарков страны, был командирован на учредительный съезд Союза музеев России. Проходило мероприятие под Санкт-Петербургом (тогда нам было привычнее называть его Ленинградом), в Репино. В гостинице оказалось, что мы с Гладченко соседи. Несколько дней близкого общения стали для меня очень насыщенными. Я услышал столько увлекательных историй, в которых основным было неожиданное открытие каких-то исторических деталей либо находка редких экспонатов, самыми невероятными путями попадавших в музей Аксая.

Особенно запомнилась история стакана с вензелем императора

Николая Второго. Как попал этот редкий для Аксая экспонат к Гладченко – не помню. Но дальше предприимчивый директор и коллектор умело эксплуатировал присущее большинству людей тщеславие. Все мы много раз видели на скалах в красивых уголках Кавказа или на стенах архитектурных шедевров нацарапанные слова «Здесь был...». Многим хочется испытать чувство сопричастности к великим творениям природы или человеческого гения, пусть даже таким не очень цивилизованным способом.

А каково выпить из стакана императора?! Первым с такой просьбой обратился к Владимиру Дмитриевичу какой-то местный милиционер снов. Смекнув, что из такого интереса можно извлечь выгоду для музея, Гладченко сурово сказал: «А если ты разобьешь стакан? Нет уж, сначала положи на стол достойный экспонат, который сможет восполнить потерю стакана». Скорее всего, сказано это было более человеческим языком, но суть такова.

Через некоторое время милиционер снова был в музее. Он важно вытащил из кармана револьвер фирмы Смит и Вессон и положил на стол. Стакан был заполнен водкой, и столь вожделенное действие свершилось. Может быть, и не один раз. В результате в коллекции музея появился новый редкий экспонат.

– Знаешь, сколько ценных вещей для музея заработал этот стакан? – с пафосом говорил Володя.

Потом были совместные прогулки по историческому центру Петербурга. У колоннады Казанского собора Владимир увлеченно рассказывал и показывал слои свинца между каменными блоками колонн. Мы сидели на скамейке в парке Адмиралтейства, рассматривали выючные сумы на спине бронзового верблюда у памятника Н.М. Пржевальскому.

На заключительном банкете к нашему столику подошел директор государственного Эрмитажа академик Пиотровский. Валерий Чеснок тут же вручил мне «мыльницу», которой я запечатлел момент соприкосновения стопок двух директоров провинциальных музеев с сосудом, находившимся в руке Пиотровского. Выходя из банкетного зала, Владимир движением фокусника извлек из кармана брюк стопку. Этой стопкой он чокался с директором Эрмитажа, самим Пиотровским!

– Не одобряешь? – спросил он, заметив на моем лице выражение иронии.

Я не то чтобы не одобрял, просто было непривычно общаться с человеком, так остро чувствующим связь событий с конкретными предметами. Для меня стакан ничуть не изменился после соприкосновения с рюмкой знаменитого ученого. А для Владимира он уже стал исторически значимым экспонатом.

В Ростов ехали в одном купе. Слушая бесконечные рассказы, я сожалел, что поезд слишком быстро приближался к Ростову. В Аксае состав на какие-то секунды остановился. Этого времени было достаточно, чтобы Владимир открыл дверь в тамбуре и выскочил из вагона.

Встречались мы не регулярно, но связь поддерживали. Как-то в моем кабинете в зоопарке раздался телефонный звонок. Бодрый голос Гладченко сообщил, что я срочно нужен Аксайскому музею в качестве фотографа. Директора музея посетила счастливая мысль создать фотокартины тех мест, которые запечатлены на этюдах Н.Н. Дубовского в начале XX века.

Как-то, приехав в Аксай, я застал директора музея, стоящим на строгих «козлах» и собственноручно белившим потолок в подземелье военно-исторического комплекса. Волосы, лицо и глаза были покрыты текущей с потолка известью. Собственное активное участие в любых

интересах музея. Других интересов просто не существовало. Так, по крайней мере, казалось мне.

Зябким ноябрьским днем зазвонил мой мобильный телефон. Знакомый энергичный голос сообщил, что он соскучился, и надо бы встретиться. Ответив, что нет причин этого не сделать, я отключил связь. Конечно, никакой тени сомнения в том, что встреча состоится, у меня не было. Как оказалось, это был наш последний разговор.

Теперь, рассматривая многочисленные фотографии Пушкинских дней в Аксае или встреч в зоопарке, начинаю понимать, какую важную роль играл в моей жизни Владимир Гладченко. Верно говорят, что мы воспринимаем жизнь через близких людей. С их уходом рушится наш мир. Как можно привыкнуть к тому, что, сколько ни жми на клавишу мобильного на надписи «Гладченко», не услышишь энергичный голос, казавшийся одной из самых постоянных и надежных черт действительности. На кадрах видеосъемки Володя деловито рассказывает что-то у колонн Казанского собора, весело улыбается в кругу друзей...

Именно таким, увлеченным, уверенным в важности дела, которому преданно служил, открытым друзьям и новым захватывающим планам, остался Владимир

работами было совершенно обычным делом для Гладченко. Казалось, что между посетившей его идеей и ее реальным воплощением он не видел никаких преград.

Идеи, планы, проекты сопровождали Владимира. Во всех этих начинаниях на первом месте были

Гладченко в нашей памяти. А еще остались три созданных им музея и чувство растерянности и несправедливости от неумолимого решения судьбы, с которым невозможно согласиться, но бессмысленно спорить.

АЛЕКСАНДР ЛИПКОВИЧ